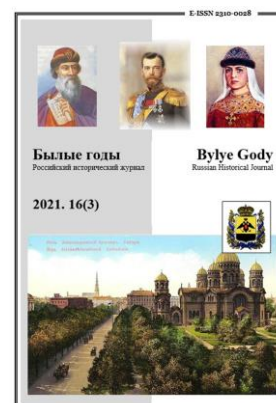

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1153-1161
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1153
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

National Policy Of the Russian Empire in the North Caucasus in the 19th — early 20th centuries

Aleksey M. Erokhin ^{a, *}, Evgenij A. Avdeev ^a, Sergej M. Vorobev ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article reviews the national policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries. The purpose of the research is the historical and political reconstruction of the inclusion of the peoples of the North Caucasus into a single state and socio-cultural space of Russia in the imperial period. The research methodology is based on a combination of elements of historiographic, historical-comparative and historical-political analysis. The imperial nationality policy of this period was based on the desire to build a national state based on the principle of unitarity, linguistic and cultural Russification, and the formation of imperial identity. The characteristic features of the national policy of the Russian Empire in the North Caucasus were the desire to eliminate the economic and socio-cultural backwardness of the region, to pursue a course towards Russification and the inclusion of mountain peoples in the Russian socio-cultural space. At the same time, a certain flexibility of approaches to the formation of the public administration system can be traced, expressed in the preservation of elements of administrative and cultural autonomy of mountain peoples. Until the end of its existence, the Russian Empire retained a complex class hierarchy, laws and administrative practices that hindered the unification of the state and the strengthening of imperial identity. The reforms of the early 20th century were incomplete and largely declarative. The result of the reforms was not so much the strengthening of the civil law and state principle, as the further growth of the national self-awareness of the mountain peoples and the formation of North Caucasian political elite that was opposed to the tsarist government. The imperial national policy was unable to find a balance between preserving the unity and indivisibility of Russia and the implementation of the demand for national autonomy, which was one of the factors in the weakening of the state and the surge of nationalism and separatism in the North Caucasus during the revolutionary period.

Keywords: nationality policy, Russian Empire, North Caucasus, imperial identity, Russification, education, public administration, national factor, confessional factor.

1. Введение

Национальная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX – начале XX веков подвергалась значительным трансформациям, связанным с тяжелым и болезненным вхождением региона в состав Российской империи, сложными и неоднозначными процессами включения горских народов в единое государственное и социокультурное пространство. В этот период путем реализации конкретных программ и государственных решений формировались характерные черты и закладывались тенденции государственного устройства Северного Кавказа, такие как включение народов региона в российское государственное и социокультурное пространство, формирование административно-государственного управления регионом с учетом национальной и культурной специфики горских народов.

Различные интерпретации политики царской администрации по отношению к народам Северного Кавказа приводят к противоположным оценкам исторических событий этого периода.

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

При этом одни исследователи подчеркивают унитарный характер национальной политики Российской империи и формирование имперской идентичности, другие – делают акцент на насильственном присоединении территорий и народов Северного Кавказа к России.

Целью данной статьи является историко-политическая реконструкция включения народов Северного Кавказа в единое государственное и социокультурное пространство России, выделение характерных черт, общих принципов и подходов к укреплению российской государственности на Северном Кавказе и формированию имперской идентичности у народов региона.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные материалы: документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Центральном Государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики (Нальчик, Российская Федерация), а также источники законодательного, политического, историографического и публицистического характера.

Методология исследования основана на сочетании элементов историографического, историко-сравнительного и историко-политического анализа. Метод историографического анализа позволил выявить, изучить и систематизировать историческую научную литературу и архивные материалы, относящиеся к сфере национальной политики Российской империи на Северном Кавказе, охарактеризовать состояние, определить характер и последовательность действий российской власти в регионе. Историко-сравнительный метод дал возможность определения общего и различий в тенденциях национальной политики XIX – начала XX веков. Историко-политический анализ позволил рассмотреть события, происходившие в рамках реализации национальной политики, в их последовательном историческом изменении, выявить тенденции этнизации политики в данный период.

3. Обсуждение

В историографической литературе имперского периода национальная политика рассматривалась фрагментарно через призму событий, происходивших в национальных окраинах, и действий государственной власти по включению этих территорий в состав Российской империи.

В советский период отечественная историография развивалась в рамках догматизированных положений и концепций, выработанных в русле марксистской методологии истории. На рубеже 1980–1990-х гг. начался новый этап исследований в области истории формирования национально-государственного устройства и национальной политики российского государства. Все больший исследовательский интерес приобретает региональная проблематика, в том числе затрагивающая этнополитические процессы в национальных окраинах. Появляются работы, посвященные отдельным этническим группам, проживавшим в Российской империи, их истории, социально-экономическому укладу, культуре и быту (Джераси, 2013). В 1990-е – начале 2000-х гг. появились труды, в которых особое внимание уделялось анализу имперской национальной политики в условиях кризиса Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Противоречивость национальной политики России и вопросы управления национальными окраинами в этот период отмечаются в работах А.Ю. Бахтуриной, М.Ф. Флоринского и др. (Бахтурина, 2004; Северный Кавказ, 2007; Флоринский, 2010).

В современной зарубежной историографии А. Каппелером, Дж. Хоскингом, А. Рибером, Р.Г. Суни и другими активно рассматривается опыт национальной политики Российской империи, вопросы взаимоотношений центра и национальных окраин, характер и направленность территориальной экспансии, а также особенности управления и способы обеспечения лояльности народов, входивших в состав империи (Каппелер, 2000; Хоскинг, 2000).

В современной научной литературе широко представлены историко-политологические дискуссии, посвященные влиянию имперской национальной политики на современные этнополитические процессы на Северном Кавказе, вопросам управления регионом, его экономическому и социокультурному развитию в составе Российской империи (Российский Кавказ, 2007).

4. Результаты

Единой национальной политики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. в современном понимании этого слова не сложилось. Существовало большое количество государственно-правовых и управленческих форм, связанных с определением порядка и правил вхождения разных народов в империю и их последующего существования (Каппелер, 2000: 48; Национальная политика в императорской..., 1997: 12-16). В целом под национальной политикой Российской империи можно понимать политику государства в отношении различных этнокультурных и этноконфессиональных общностей, проживающих на территории страны. Они рассматривались не как отдельные нации, а как подданные имперской власти. Главенствующими принципами организации жизни всех народов являлись сословность и подданство. Сословно-монархические основы национальной политики Российской империи объясняются тем, что,

по словам А.И. Миллера, «правлящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась “национализации”, господствующее положение в империи занимало полиэтничное дворянство... Нация “не правила” и не имела системы политического представительства» (Миллер, 2006: 152). С.Ю. Витте отмечал, что «вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не осознали, что... нет России, а есть Российская империя..., невозможно в XIX и XX вв. вести политику..., игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, – их религию, их языки, проч.» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 460. Л. 5). При этом учитывались и национальные традиции, особенности уклада жизни, конфессиональная принадлежность входящих в состав Российской империи народов, а также интересы национальных элит, на которые имперские власти пытались опираться. Одной из характеристик государственного устройства Российской империи была гибкость управленческих моделей территориального устройства национальных окраин, при этом местным властям могли предоставляться достаточно большие полномочия.

В целом национальная политика Российской империи реализовывалась в рамках двух основных подходов: имперского и национального. Определяющим при этом был имперский подход, основанный на монархической идее. Национальный подход осуществлялся путем приобщения других народов к русской культуре и русскому языку, приветствовались процессы ассимиляции, при этом сохранялось и уважение к языку, культуре и религии других народов и самобытности их общественной жизни. Рассматривая процессы включения народов в состав империи, можно выделить следующие этапы их вхождения в имперское государство: установление российского подданства, последовательное формирование российского государственного управления, русификация (Киор, 2010: 206). Русификация во многом обуславливалась необходимостью экономической и социокультурной интеграции национальных окраин и способствовала модернизации проживающих на их территории народов. А.И. Миллер отмечает, что таким образом государство стремилось минимизировать внутреннюю этническую разнородность, обеспечить стабилизацию полиэтничного государства (Миллер, 2006: 54-75). Входящие в состав империи народы не являлись политическими субъектами, а становились объектами государственной политики. Надэтничность была одним из основных принципов имперской государственности и предполагала верность императору независимо от национальности и вероисповедания. При этом централизация не сопровождалась ни единообразием, ни управлением, административный аппарат монархии основывался на местных обычаях и институтах, смешения и объединения, но не уничтожая их (Имперский строй России..., 1997).

Важную роль в укреплении российского государства в присоединенных территориях Северного Кавказа в XIX в. сыграл институт генерал-губернаторства. Данная управленческая модель предполагала принцип невмешательства во внутреннее обустройство народов при сохранении их национально-государственных систем. Деятельность генерал-губернатора была направлена на пресечение сепаратизма и укрепление политической лояльности местных элит. Одной из задач было обеспечение интеграции горской знати в состав имперской элиты путем ее инкорпорирования в дворянское сословие империи. Усиление унитарного характера государства не предполагало уничтожения права народов на различные формы автономии как национально-культурной, так и политико-административной, и ущемления их прав. Наоборот, многие местные национальные элиты получали доступ в дворянское сословие, а многие народы, вошедшие в состав Российской империи, освобождались от ряда обязанностей и повинностей (например, не призывались на военную службу). Однако степень лояльности государственной власти во многом зависела от степени политической лояльности национальных элит российскому государству. Сепаратистские тенденции, стремление к политической автономии приводили к ужесточению государственной политики и ликвидации имеющихся привилегий и прав.

Процесс вхождения Северного Кавказа в Российскую империю растянулся на столетие и привел к затяжной Кавказской войне. Даже в ходе войны российская власть брала на себя обязательства о неприкосновенности исламского вероисповедания, этнокультурных традиций и земель проживания горских народов. Так, в «Прокламации горским народам» 1845 г. наместник Кавказа М.С. Воронцов обещал, что «религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения» (Гриценко, 1963: 16). Однако эти обещания и декларируемые властью обязательства были выполнены не в полной мере, вопрос о возвращении горским народам земель, потерянных в ходе войны, не был решен государственной властью.

После завершения военной кампании 1817–1864 гг. территория Северного Кавказа окончательно вошла в состав России. На присоединенных территориях назначалась государственная администрация, но при этом сохранялись традиционные родовые формы власти, вероисповедание, культура и традиции. Также горцы освобождались от обязанности служить в русской армии (Мазанаев, 2020). На этом этапе административное управление регионом формально повторяло принятую российскую систему управления без учета национальных особенностей Северного Кавказа. Однако в связи с недовольством местной знати, вызванном отстранением ее от участия в управлении, а также переходом некоторой части горской верхушки к активному сопротивлению российской

администрации было принято решение о включении горской знати в государственное управление ([Административно-территориальное устройство России..., 2003: 185](#)). Значительно усилило государственное управление на Северном Кавказе вновь учрежденное в 1844 г. Кавказское наместничество. Первым наместником стал видный государственный и военный деятель М.С. Воронцов, которому были даны широкие полномочия. По его инициативе были созданы особые вакансии в университетах Петербурга и Москвы для детей местной знати, был образован особый Кавказский учебный округ и открыто 5 гимназий и 21 училище, первая публичная библиотека. Подготовленный по инициативе наместника образовательный проект «Положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных заведениях империи», предполагал, что после окончания гимназии дети горской знати могли продолжить обучение в высших учебных заведениях России ([Высочайше утвержденное положение..., 1848: 321](#)). В 1859 г. принимается устав для нового типа учебных заведений – горских школ, носивших светский характер и дававших образование на русском языке. Например, в 1886 г. в городе Майкопе, а в 1888 г. в станице Лабинской были открыты горские школы, дававшие знания в объеме двухклассного начального училища ([История народов Северного Кавказа..., 1988](#)). Роль народного образования в процессе интеграции горских народов в российское социокультурное пространство отмечал и наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич. Он подчеркивал «высокое значение развития народного образования, как наиболее действительного средства к поднятию нравственного уровня местного населения и сближения его с господствующей народностью» ([Кавказский сборник, 2005: 154](#)).

Важность образования в процессе русификации и интеграции горских народов в российское социокультурное пространство подчеркивал и Наместник Кавказский граф И.И. Воронцов-Дашков. По его словам, «несомненно, что правильно поставленная русская народная школа... является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением. Она спасает их от вредной, с государственной точки зрения, пропаганды панисламизма и пантюркизма в школах с турецкими преподавателями и учебниками, проникнутыми нерусскими идеями» ([Всеподданнейший отчет..., 1913: 17-18](#)).

Русификация горских народов проходила и в рамках государственного управления региона. Для того чтобы представителю местной знати занять должность в административных органах, было необходимо знание русского языка и подтвержденная преданность российскому престолу. Для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице в российских государственных и военных структурах, особенно центральных, существовало еще одно негласное условие – принятие православия. Некоторые горцы на это соглашались ([Документы по истории Балкарии..., 1959: 17-18](#)). В регионе была практика совмещения военных и гражданских должностей, которые занимали и представители горской знати. Так, кабардинский князь, полковник Султанбек Клишбиев в течение ряда лет (с 1910 по 1917 гг.) занимал должность начальника Нальчикского округа ([ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15](#)). Применялась практика формирования органов общественного самоуправления горских народов. Например, съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ периодически проводился с 1890 по 1910-е гг. На заседаниях съезда рассматривались наиболее важные вопросы устройства жизни горских народов ([ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 56](#)).

Включение горских народов в состав Российской империи предполагало учет религиозных и национальных традиций при формировании судебной системы на Северном Кавказе. Так, наряду с государственным судопроизводством, опирающимся на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г., 18 декабря 1870 года наместником кавказским были утверждены «Временные правила для горских словесных судов», предписывающие, что среди горского населения Кубанской и Терской областей впредь до полного введения судебных уставов 20 ноября 1864 г. возникающие между горцами уголовные и гражданские дела будут производиться в горских сословных судах ([Кубанская справочная книжка, 1891: 232](#)). Такими судами не рассматривались дела, связанные с государственными учреждениями и людьми, не относящимися к горским народам. Горский словесный суд решал дела на основании местных обычаев и только по таким делам, для решения которых обычай не сложился, руководствовался общими законами Российской империи. На основе шариата могли разбираться дела о заключении и расторжении брака, личных и имущественных правах, из брака вытекающих, законности рождения и наследстве.

Горские словесные суды, наряду с государственным судопроизводством, продолжали существовать до февраля 1917 г. Законопроект «Об упразднении горских словесных судов в Терской и Кубанской областях», подготовленный в 1913 г. депутатами IV созыва Государственной Думы, не был принят ([Законотворчество думских фракций, 2006: 402](#)).

Во второй половине XIX в. в связи с развитием капитализма, ростом национального самосознания ряда народов Российской империи и активным сопротивлением горских народов вхождению в состав России наблюдается тенденция к усилению унитарной государственности и унификации территориально-государственного устройства. В основу национальной политики Александра III было положено убеждение, что в Российской империи должна господствовать русская государственность, русский язык и православная вера, что предполагало проведение национальной

политики в русле дальнейшей русификации, систематизации и унификации государственного управления в национальных окраинах. При этом русификация образования и делопроизводства подчас носила излишне жесткий характер, отсутствовали и попытки «престижного позиционирования русского языка и культуры, продвижения ее передовых достижений» (Титов, 2020: 1277). Видный представитель консервативно-государственных взглядов М.Н. Катков полагал, что Российская империя должна существовать как государство, в котором преобладает титульная национальность, обеспечивается единство законодательства и управления. Другие народы могут сохранять свой язык, религию и культуру, если это не угрожает целостности государства. Главная опасность для России, по его мнению, сепаратизм народов, стремящихся стать самостоятельными нациями (Административно-территориальное устройство России..., 2003: 28).

Важным направлением национальной политики Российской империи на Северном Кавказе стала дальнейшая колонизация региона русским населением для укрепления социальной опоры российского государства. Воронцов-Дашков подчеркивал, что заселение русскими переселенцами земель не должно ущемлять экономические и социальные права местного населения. Наряду с русификацией и колонизацией, необходимо введение начального обучения на родном языке, развитие местного самоуправления. Он писал, что «туземное происхождение само по себе не может служить препятствием к успешному прохождению государственной и общественной службы» (Национальная политика России..., 1997: 102).

Можно отметить, что Северный Кавказ в начале XX в. по-прежнему оставался специфической частью империи, не имплементировавшейся в состав российского государства. По мнению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Г.С. Голицына этот регион характеризовался низким уровнем социального, экономического и духовного развития и не стал органической частью империи (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1903 г. Д. 55. Л. 42-101). Назначенному в 1905 г. кавказским наместником И.И. Воронцову-Дашкову вменялось «безотлагательно водворить на Кавказе спокойствие, дабы приобщить и этот край к внутренней созидательной работе, предпринимаемой ныне в государстве» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 162. Л. 9). Он отмечал, что для успешного включения региона в состав России необходимо «признание всех равными перед законом и одинаковое о всех попечение, к какой национальности они бы ни принадлежали» (РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1220. Л. 48-49).

В целом в начале XX в. происходит некоторая «либерализация» национальной политики в сторону большей веротерпимости, усиления политических прав и свобод: свободы совести, слова, собраний и союзов. Это способствует дальнейшему росту национального самосознания народов Российской империи, радикализации национальных движений, что в свою очередь усиливает репрессии со стороны государственной власти. Национальный вопрос становится одним из дестабилизирующих факторов, приведших к распаду Российской империи и потребовавших формирования новых подходов к национальной политике.

Манифест 17 октября 1905 г., гарантировавший гражданские и ряд политических прав и свобод населению империи, и последовавшие реформы способствовали усилению центробежных тенденций в национальных окраинах. Национальный вопрос в общественно-политическом дискурсе этого периода становится одним из самых актуальных и обсуждаемых. В целом реформы начала XX в., которые открывали путь гражданским правам и расширению политической свободы, в том числе и в рамках самоопределения народов Северного Кавказа, привели к усилению центробежных тенденций в регионе, росту национального самосознания и национальных движений. Имперская власть, противодействуя этой тенденции, перешла к дальнейшей унификации региональных органов государственного управления и русификации всех сфер общественной жизни, продолжилась активная колонизация Северного Кавказа.

Важное место в национальной политике Российской империи занимала конфессиональная принадлежность народов. Хотя Манифест 17 октября 1905 г. провозглашал свободу совести, православная церковь по-прежнему сохраняла особое положение, а принадлежность к православной вере являлась показателем лояльности царской власти, до февраля 1917 г. не был отменен запрет на пропаганду неправославных учений. На Северном Кавказе важное значение для укрепления государственности, наряду с православной церковью, имела и задача развития духовного управления мусульман региона. Вопрос о создании самостоятельного управления для мусульман Северного Кавказа в начале XX в. приобрел большое значение в связи с распространением в регионе идей панисламизма и пантюркизма, ростом популярности среди мусульман националистических идей и движений (Халидова, 2014: 110). Однако централизованного органа управления мусульманами Северного Кавказа до февраля 1917 г. не было создано.

Следствием революции 1905–1907 гг. на Северном Кавказе стала не демократизация, а скорее укрепление авторитарной составляющей государственной власти при сохранении судебно-административной автономии горских народов. Так, в 1905 г. указом Николая II было восстановлено Кавказское наместничество, упраздненное в 1881 г., кавказским наместником был назначен граф И.И. Воронцов-Дашков, занимавший эту должность до 1915 г., в руках которого была сосредоточена высшая военная, исполнительная и судебная власть в регионе. В Дагестанской области сохранялся режим военно-народного управления: горцы-мусульмане жили по местным обычаям и шариату под

контролем российского военного начальства. Частично такой режим управления распространялся и на горцев Терской и Кубанской областей (*Северный Кавказ, 2007: 297*). При этом горцы Северного Кавказа на основании принятого 11 декабря 1905 г. избирательного закона получили доступ к выборам в Государственную Думу. Выборные от Кавказа принимали участие в работе Государственных Дум I–IV созывов, что привело к формированию оппозиционной царскому правительству северокавказской политической элиты за пределами региона (*Северный Кавказ, 2007: 298-305*).

Серьезным фактором, обострившим межнациональные отношения и ослабившим российскую государственность на Северном Кавказе, стала Первая мировая война. Война России с Турцией активизировала националистические настроения, способствовала дальнейшему росту популярности пантюркистской и панисламистской идей. Турция вступила в войну на стороне австро-германского блока в ноябре 1914 г., объявив «священную войну» против Англии, Франции и России. Призыв султана к «священной войне» был обращен и к мусульманам России, предписывал им подняться на борьбу против российской власти, что обострило ситуацию на Северном Кавказе (*Гилязов, 2015: 311*). Политические и общественные деятели Северного Кавказа А.Т. Цаликов и И.И. Гайдаров выступили с идеей образования независимого от России Северо-Кавказского мусульманского государства под эгидой Турции (*История народов Северного Кавказа..., 1988: 540*). Исмаил Беданок, выступая на III Конгрессе «Союза народов» в Лозанне, проходившем летом 1916 г., отметил, что «оккупация Кавказа русскими, в соответствии с международным и гуманитарным правом, является несправедливостью и неравенством», и обратился к Англии, Франции, США, «...чтобы он был освобожден от московского ига, стремящегося к его полному уничтожению» (*Черкесы, 1916*).

Обострение межнациональных отношений привело к росту национального самосознания. Национально-освободительная борьба горских народов, проявлялась прежде всего в форме борьбы против самодержавия и имперской государственности. В дальнейшем национальный фактор стал важнейшим в формировании нового государственно-политического устройства. Национальные элиты Северного Кавказа вступили в революционный период без четкого видения национально-государственного устройства и перспектив национально-государственного развития народов Северного Кавказа.

5. Заключение

Таким образом, национальная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., опирающаяся на унитарность и наднациональную идентичность, во многом сформировала черты и тенденции, которые продолжили свое развитие в последующие периоды истории российского государства. Это стремление к ликвидации экономической и социокультурной отсталости региона, проведение курса на русификацию – усиление роли русского языка как государственного языка и его использование в делопроизводстве, государственном управлении и образовании, включение горских народов в российское социокультурное пространство при сохранении элементов административной и культурной автономии горских народов; формирование наднациональной идентичности. Имперская национальная политика не смогла найти баланс между сохранением единства и неделимости России и реализацией запроса на национальную автономию, что стало одним из факторов ослабления государства и всплеска национализма и сепаратизма на Северном Кавказе в революционный период. Реализации целей и задач национальной политики Российской империи в регионе также мешало отсутствие единого, объединяющего все народы исторического прошлого и неясные представления о национальном будущем.

Можно выделить взаимосвязь между усилением либо ослаблением государственной власти на Северном Кавказе и чередованием «мягкой» (повышение статуса и роли национальных окраин, национальных языков и культур) либо «жесткой» (культурно-языковая русификация, административно-территориальная унификация, снижение статуса и роли национальных элит). Национальная политика Российской империи не смогла найти баланс между унификацией и формированием наднациональной идентичности, политическими интересами и социокультурным развитием национальных окраин, что стало одним из факторов ее распада, который стал одним из ключевых факторов всплеска национализма, экстремизма и радикализма на Северном Кавказе.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43018.

The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43018.

Литература

Административно-территориальное устройство России..., 2003 – Административно-территориальное устройство России: история и современность / Под общ. ред. А.В. Пыжикова. М., 2003. 318 с.

- Бахтурина, 2004** – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 392 с.
- Всеподданнейший отчет..., 1913** – Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. 36 с.
- Высочайше утвержденное положение..., 1848** – Высочайше утвержденное положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных заведениях империи. 11 июня 1849 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXIV. Отд. 1-е. № 23307.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гилязов, 2015** – Гилязов И.А. "Священная война – джихад" как инструмент военно-политической стратегии Германии в годы Первой мировой войны / *Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения*. Казань, 2015. С. 310-321.
- Горцы Кавказа, 1933** – Журнал «Горцы Кавказа». Май 1933 года, № 39.
- Гриценко, 1963** – Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный, 1963. 198 с.
- Джераси, 2013** – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. 538 с.
- Документы по истории Балкарии..., 1959** – Документы по истории Балкарии (40–90-е гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. Т. 1. Нальчик, 1959. 262 с.
- Законотворчество думских фракций, 2006** – Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006, 768 с.
- Имперский строй России..., 1997** – Имперский строй России в региональном измерении: XIX – начало XX века / Под ред. П.И. Савельева. М., 1997. 237 с.
- История народов Северного Кавказа..., 1988** – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Т. 2. М., 1988. 659 с.
- Кавказский сборник, 2005** – Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2005. Т. 2 (34). 336 с.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. 344 с.
- Киор, 2010** – Киор В.Б. Государственная национальная политика в имперской России // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*. 2010. № 4 (47). С. 204-218.
- Кубанская справочная книжка, 1891** – Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1891. 629 с.
- Мазанаев, 2020** – Мазанаев Н.К. Национальная политика России на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // *Образование и право*. 2020. № 8. С. 426-428.
- Миллер, 2006** – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. 248 с.
- Национальная политика в императорской..., 1997** – Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины: Сборник документов / Сост. и ред. Ю.И. Семенов. М., 1997. 414 с.
- Национальная политика России..., 1997** – Национальная политика России: история и современность / Под общ. ред. В.А. Михайлова. М., 1997. 680 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Российский Кавказ, 2007** – Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2007. 384 с.
- Северный Кавказ, 2007** – Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. 460 с.
- Titov, 2020** – Titov V.V. National policy of Alexander III: an attempt to form an "imperial identity" // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. Pp. 1272-1280.
- Флоринский, 2010** – Флоринский М.Ф. Центральная власть и Кавказская администрация в системе управления Российской империи // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2010. № 1. С. 380-411.
- Халидова, 2014** – Халидова О.Б. Религиозная политика Российского государства в начале XX в. и ее влияние на мусульманское население Северо-Восточного Кавказа // *Вестник института ИАЭ*. 2014. № 1 (37) С. 108-116.
- Хоскинг, 2000** – Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. М., 2000. 512 с.
- ЦГА КБР** – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.
- Черкесы, 1916** – Черкесы. Доклад, представленный Исмаилом Беданомом, вице-президентом Лиги нерусских народов России, на III Конгрессе Союза народов в Лозанне (Швейцария) 29 июня 1916 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/3588> (дата обращения: 04.05.2021)

References

- Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Rossii..., 2003** – Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Rossii: istorija i sovremennost' [Administrative and territorial structure of Russia: history and modernity]. Ed. Pyzhikova A.B. М., 2003. 318 p. [in Russian]

- [Bahturina, 2004](#) – *Bahturina, A.Ju.* (2004). Okrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naja politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gg.) [Outskirts of the Russian Empire: State Administration and National Policy during the First World War (1914–1917)]. M., 392 p. [in Russian]
- [CGA KBR](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central state archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. [in Russian]
- [Cherkesy, 1916](#) – Cherkesy. Doklad predstavlenyj Ismailom Bedanokom, vice-prezidentom Ligi Nerusskih Narodov Rossii, na III Kongresse Sojuza Narodov v Lozanne (Shvejcarija) 29 ijunja 1916 g [Report presented by Ismail Bedanok, Vice-President of the League of Non-Russian Peoples of Russia, at the III Congress of the Union of Peoples in Lausanne (Switzerland) on June 29, 1916]. [Electronic resource]. URL: <https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/3588> (date of access: 04.05.2021). [in Russian]
- [Dokumenty po istorii Balkarii..., 1959](#) – Dokumenty po istorii Balkarii (40-90-e gg. XIX v.) [Documents on the history of Balkaria (40-90s of the XIX century)]. Ed. E.O. Krikunova. V. 1. Nal'chik, 1959. 262 p. [in Russian]
- [Florinskij, 2010](#) – *Florinskij, M.F.* (2010). Central'naja vlast' i Kavkazskaja administracija v sisteme upravljenja Rossijskoj imperii [Central government and the Caucasian administration in the governing system of the Russian Empire]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 1: 380-411. [in Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]. [in Russian]
- [Geraci, 2013](#) – *Geraci, R.* (2013). Okno na Vostok: Imperija, orientalizm, nacija i religija v Rossii [Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia]. M., 538 p. [in Russian]
- [Giljazov, 2015](#) – *Giljazov, I.A.* (2015). "Svjashhennaja vojna - dzhihad" kak instrument voenno-politicheskoj strategii Germanii v gody Pervoj mirovoj vojny ["Holy War – Jihad" as an Instrument of the Military-Political Strategy of Germany during the First World War]. *Tjurko-musul'manskij mir: identichnost', nasledie i perspektivy izuchenija*. Kazan'. Pp. 310-321. [in Russian]
- [Gorcy Kavkaza, 1933](#) – *Zhurnal «Gorcy Kavkaza»*. May 1933, № 39. [in Russian]
- [Gricenko, 1963](#) – *Gricenko, N.P.* (1963). Ekonomicheskoe razvitie Čečeno-Ingušetii v poreformennyj period (1861 – 1900 gg.) [Economic development of Chechen-Ingushetia in the post-reform period (1861 – 1900)]. Groznyj. 198 p. [in Russian]
- [Halidova, 2014](#) – *Halidova, O.B.* (2014). Religioznaja politika Rossijskogo gosudarstva v nachale XX v. i ee vlijanie na musul'manskoje naselenie Severo-Vostochnogo Kavkaza [Religious policy of the Russian state at the beginning of the XX century. and its impact on the Muslim population of the North-East Caucasus]. *Vestnik instituta IAJe*. 1(37): 108-116. [in Russian]
- [Hosking, 2000](#) – *Hosking, G.* (2000). Rossija: narod i imperija [Russia: People and Empire, 1552–1917]. M., 512 p. [in Russian]
- [Imperskij stroj Rossii..., 1997](#) – Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii: XIX-nachalo XX veka [The imperial system of Russia in the regional dimension: XIX-early XX centuries]. Ed. P.I. Savel'eva. M., 1997. 237 p. [in Russian]
- [Istorija narodov Severnogo Kavkaza..., 1988](#) – Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917)]. V. 2. M., 1988. 659 p. [in Russian]
- [Kappeler, 2000](#) – *Kappeler, A.* (2000). Rossija – mnogonacional'naja imperija. Vozniknovenie. Istorija. Raspad [Russia is a multinational empire. Occurrence. History. Decay]. M. 344 p. [in Russian]
- [Kavkazskij sbornik, 2005](#) – *Kavkazskij sbornik*. M.: Russkaja panorama, 2005. V. 2 (34). 336 p. [in Russian]
- [Kior, 2010](#) – *Kior, V.B.* (2010). Gosudarstvennaja nacional'naja politika v imperskoj Rossii [State national policy in imperial Russia]. *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Meždunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 4(47): 204-218. [in Russian]
- [Kubanskaja spravocchnaja knizhka, 1891](#) – Kubanskaja spravocchnaja knizhka. Ekaterinodar [Kuban reference book]. 1891. 629 p. [in Russian]
- [Mazanaev, 2020](#) – *Mazanaev, N.K.* (2020). Nacional'naja politika Rossii na Severnom avkaze v konce XIX – nachale XX v. [Russia's national policy in the North Caucasus in the late 19th - early 20th centuries]. *Obrazovanie i pravo*. 8: 426-428. [in Russian]
- [Miller, 2006](#) – *Miller, A.I.* (2006) Imperija Romanovyh i nacionalizm: jesse po metodologii istoricheskogo issledovanija [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research]. M. 248 p. [in Russian]
- [Nacional'naja politika Rossii..., 1997](#) – Nacional'naja politika Rossii: istorija i sovremennost' [National policy of Russia: history and modernity]. Ed. V.A. Mihajlova. M., 1997. 680 p. [in Russian]
- [Nacional'naja politika v imperatorskoj..., 1997](#) – Nacional'naja politika v imperatorskoj Rossii. Civilizovannye okrainy: Sbornik dokumentov [National policy in imperial Russia. Civilized Outskirts: Collection of Documents]. Ed. Ju.I. Semenov. M., 1997. 414 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].

[Rossijskij Kavkaz, 2007](#) – Rossijskij Kavkaz. Kniga dlja politikov [Russian Caucasus. Book for politicians]. Ed. V. A. Tishkova. M., 2007. 384 p. [In Russian]

[Severnyj Kavkaz, 2007](#) – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii. M. 2007 [North Caucasus as part of the Russian Empire]. 460 p. [in Russian]

[Titov, 2020](#) – *Titov, V.V.* (2020). National policy of Alexander III: an attempt to form an "imperial identity". *Bylye Gody*. 57(3): 1272-1280.

[Vsepoddannejšij otchet..., 1913](#) – Vsepoddannejšij otchet za vosem' let upravlenija Kavkazom grafa I.I. Voroncova-Dashkova [The most submissive report for eight years of governing the Caucasus by Count I.I. Vorontsov-Dashkov]. SPb., 1913. 36 p. [in Russian]

[Vysochajshe utverzhdennoe položenie..., 1848](#) – Vysochajshe utverzhdennoe položenie o vospitanii kavkazskih i zakavkazskih urozhencev, na schet kazny, v vysshih i special'nyh zavedenijah imperii. 11 ijunja 1849 [The imperially approved provision on the education of Caucasian and Transcaucasian natives, at the expense of the treasury, in higher and special institutions of the empire. June 11, 1849]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 2-e. T. XXIV. Otd. 1-e. № 23307. [in Russian]

[Zakonotvorčestvo dumskih frakcij, 2006](#) – Zakonotvorčestvo dumskih frakcij. 1906–1917 gg.: Dokumenty i materialy [Lawmaking of the Duma factions. 1906–1917: Documents and materials]. M. 2006. 768 p. [in Russian]

Национальная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX – начале XX веков

Алексей Михайлович Ерохин ^a, Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Сергей Михайлович Воробьев ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается национальная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX – начале XX веков. Целью работы является историко-политическая реконструкция включения народов Северного Кавказа в единое государственное и социокультурное пространство России в имперский период. Методология исследования основана на сочетании элементов историографического, историко-сравнительного и историко-политического анализа. В основе имперской национальной политики данного периода лежало стремление к построению национального государства на основе принципа унитарности, языковой и культурной русификации, формирования имперской идентичности. Характерными чертами национальной политики Российской империи на Северном Кавказе стали стремление к ликвидации экономической и социокультурной отсталости региона, проведение курса на включение горских народов в российское социокультурное пространство. При этом прослеживается определенная гибкость подходов к формированию системы государственного управления, выразившаяся в сохранении элементов административной и культурной автономии горских народов. Российская империя вплоть до конца своего существования сохранила сложную сословную иерархию, законы и управленческие практики, препятствовавшие унификации государства и укреплению имперской идентичности. Реформы начала XX века имели незавершенный и во многом декларативный характер. Их следствием стало не столько укрепление гражданско-правового и государственного начала, сколько дальнейший рост национального самосознания горских народов и формирование оппозиционной царскому правительству северокавказской политической элиты. Имперская национальная политика не смогла найти баланс между сохранением единства и неделимости России и реализацией запроса на национальную автономию, что стало одним из факторов ослабления государства и всплеска национализма и сепаратизма на Северном Кавказе в революционный период.

Ключевые слова: национальная политика, Российская империя, Северный Кавказ, имперская идентичность, русификация, образование, государственное управление, национальный фактор, профессиональный фактор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)